

РОССИЯ В ЭПОХУ ПЕТРА ВЕЛИКОГО

ПУТЕВОДИТЕЛЬ ПУТЕШЕСТВЕННИКА
ВО ВРЕМЕНИ

МОСКВА
2016

УДК 94(47) "16/17"
ББК 63.3(2)46
Р76

Р76 **Россия** в эпоху Петра Великого : путеводитель путешественника во времени. — Москва : Издательство «Э», 2016. — 320 с. — (Путешественники во времени).

ISBN 978-5-699-87280-0

Представьте, что машина времени перенесла вас в XVII—XVIII века, когда страной правил Петр Великий...

Что вы видите? Как одеваетесь? Как зарабатываете на жизнь? Сколько вам платят? Что вы едите? Где живете?

Авторы этой книги раз и навсегда изменят ваш взгляд на Российскую империю, показав, что историю можно изучить, окунувшись в нее и увидев все своими глазами.

Книга «Россия в эпоху Петра Великого» перенесет вас во времени и позволит побродить по улицам, заглянуть в дворцовые покои, казармы и дома простых обывателей, развенчает легенды и раскроет малоизвестные факты.

УДК 94(47) "16/17"
ББК 63.3(2)46

© Гнилорыбов П.А., Зырянов В.В.,
Томчин М.С., текст, 2016
© Оформление.
ООО «Издательство «Э», 2016

ISBN 978-5-699-87280-0

Содержание

I. Петровская Москва (<i>П. Гнилорыбов</i>)	7
II. Здравствуй, новая столица (<i>М. Томчин</i>)	62
III. Что ели и пили (<i>П. Гнилорыбов</i>)	154
IV. Как лечились (<i>П. Гнилорыбов</i>)	167
V. Как выглядели и во что одевались (<i>В. Зырянов</i>)	178
VI. Во что верили (<i>В. Зырянов</i>)	192
VII. Как веселились (<i>В. Зырянов</i>)	224
VIII. Что читали и где учились (<i>В. Зырянов</i>)	247
IX. Как боролись с преступниками (<i>В. Зырянов</i>)	287
X. Чем восхищались (<i>В. Зырянов</i>)	292
XI. Как спорили впоследствии (<i>П. Гнилорыбов</i>)	301

Светлой памяти
Николая Павловича Анциферова,
Петра Дмитриевича Барановского,
Алексея Николаевича Греча,
любивших Россию горячо и пламенно,

ПОСВЯЩАЕТСЯ

I

Петровская Москва

Свое худо хвалить; но назло брату нашему Петру скажу откровенно, что законная столица России Москва. Мы здесь с ним, на досуге, часто спорим об этом. В душе своей он, может быть, и раскаивается, что затеял золотом осушить болото; но смерть не отбивает упрямства, и он никак не соглашается со мною. Дело сделано. Дай бог цвести в красоте и славе Петрограду! (Воля ваша, мы здесь, старые русаки, не можем приучиться русский город называть немецким именем.) Но дай бог здоровья и матушке Москве!

П. А. Вяземский

*Устами я тебе и сердцем обещаюсь,
Что ты не выйдешь век из памяти моей.*

*Павел Флеминг, 1630-е гг.,
одно из первых стихотворений о Москве*

Размеры города и население

Если мы посмотрим на план Москвы, который мастера составляли восемь лет и закончили в 1739 году под руководством архитектора И. Ф. Мичурина, то заметим резкий рост города в северо-восточном направлении. Вся Первопрестольная по-прежнему подчиняется кольцам Белого и Земляного города, но по вектору резко уходит в правый верхний угол.

Геодезисты всего лишь подвели итог петровским стараниям по «переделке» Москвы и зафиксировали перво-

начальную попытку не строить с нуля Петербург, а попытаться лишь обновить старую столицу России на свой лад. Для Петра центральная часть Москвы, видимо, кажется посредственной после европейских путешествий, а уж психологическую травму, нанесенную тысячелетним городом, он не забудет никогда. Во время волнений 1682 года погибли многие близкие родственники первого императора, и он на протяжении 1680–1700-х годов будет подсознательно бежать от Кремля. За страшные картины своего детства Петр отомстит стрельцам в 1698 году, но главное сделано — Кремль для него потерян навсегда. Анна Ахматова напишет в 1940 году:

*В Кремле не надо жить — Преображенец прав,
Там зверства древнего еще кишат микробы;
Бориса дикий страх и всех иванов злобы,
И самозванца спесь взамен народных прав.*

Москву времен Петра нужно искать на значительном отдалении от главной российской твердыни, бродить в районе Сокольников, Немецкой слободы, Семеновского, Преображенского, где еще сохранилась планировка улиц начала XVIII века с загадочными названиями Девятая Рота и Медовый переулок. Петр предпочел изменить старой Москве и отдался Яузе, которая представляется нам, современникам, достойной и весьма внушительной рекой. На Яузе он будет строить корабли, на берегах Яузы смолят канаты, к Яузе тяготеют многочисленные дворцы и парки нарождавшейся российской знати.

До Петербурга еще очень далеко. Петр попробует на северо-востоке от старого романовского города выстроить зеркальную Москву, Анти-Москву, лишенную пороков старого города, но умножающую новые грехи. Черновая версия для петровских градостроительных преобразований уже существовала. Речь идет о Немецкой слободе, само-

достаточном поселении иностранцев, отправленных за ручей Кукуй в 1650-е годы. Здесь за два поколения успела вырасти специфическая культура европейцев, покинувших пределы исторической родины, — домики белятся по-голландски, улицы прямые, речь слышится преимущественно иностранная.

Стремление к неведомой «Европе» составляет одну из самых загадочных черт русского западника и в XVIII, и в XXI веках. Европа слишком пестра и разнообразна. Нельзя свести к единой черте норвежские фьорды и греческие городки, черепичные крыши Чехии и песчаные берега Каталонии. Пушкин, например, никогда не покидал пределов Российской империи, хотя во времена своей южной ссылки отчаянно рвался за Дунай. Петр первое впечатление о пресловутой «Европе» получил не покидая пределов Отечества. Здесь, в Немецкой слободе, голландское причудливо смешалось с русским. Но Петр был слишком любопытен и прямолинеен, чтобы увидеть само явление, а не декорации, поэтому и организовал Великое посольство.

Что являл собой главный российский город конца XVII — начала XVIII века? Пестрое смешение архитектурного великолепия и грязи, сельской тишины и звона колоколов, благочестия и разнузданного греха, богатства и нищеты.

Со стороны Москва выглядела грозно и вызывающе: ее защищали четыре кольца стен — Кремль, Китай, Белый город и Скородом, сюда стоит прибавить реки, служившие естественной защитой, — Москву, Язу и Неглинную. Важными укреплениями считались монастыри — это удивительно, но если вы поищете на карте самые крупные монастыри русского Средневековья, то обнаружите, что они образуют вокруг Москвы своеобразное «ожерелье».

Их так и называли, монастыри-«сторожи». Получается, что Москва могла предоставить своему жителю в конце XVII века сразу пять линий защиты. «Ворота... не имеют подъемных мостов, а закрываются крепкими дверьми, но никогда не запираются так, чтобы нельзя было легко их открыть даже ночью. У ворот стоят стрелецкие посты, около каждых ворот имеются одна-две пушки, уже довольно глубоко погрузившиеся в землю, так как город давно никем не осаждался», — писал Иржи Давид в 1680-е годы.

Чтобы противник мог столкнуться в честном бою с живой силой, в Москве симметрично расселяли стрельцов. Вдоль ворот Белого города (современного Садового кольца) стояли стрельцы Зубова (Зубовский бульвар), Левшина (Левшинские переулки), Сухарева (Сухаревская площадь), Колобова (Колобовские переулки). Стрельцы были расквартированы в районе Спасопесковской площади, Каковинских переулков, Воронцова поля.

Замоскворечье вообще представлялось современникам большой казармой. Это, конечно, не совсем так, но угроза с юга, из степи, диктовала необходимость разместить здесь сразу несколько стрелецких полков. Влияние стрельцов на сам город было огромным — ведь численность расквартированных в Москве войск превышала 20 тысяч, вместе с членами семей это чуть ли не пятая часть населения столицы на пороге петровских реформ. Войдя во вкус, понимая, что можно силой влиять на власть, стрельцы будут важнейшей разменной монетой в династических интригах 1680-х годов. Царь справляется со своими обидчиками в 1698 году, и на освободившиеся земли приходят ремесленники и купцы.

Население Москвы в конце XVII века было строго разделено по профессиональным занятиям. По слободам расселяли многих ремесленников. В районе Сретенки жили

пушкари и артиллеристы. Люди, следившие за многочисленными городскими воротами, жили в Воротниковском переулке близ Дмитровки (затем их переселят за Садовое кольцо, где возникнет Нововоротниковский переулок). На Патриарших еще не ходили булгаковские герои, а обитали люди, связанные с главой русской церкви. Иржи Давид дает пояснение европейскому читателю: «Слободы — это не что иное, как округа или районы, отведенные для жительства какому-то определенному сословию людей, и находятся они... на положении предместий».

На карте Замоскворечья, составленной С. Шокаревым, заметен пестрый состав московских ремесленников — сразу три слободы Садовников (Верхняя, Средняя и Нижняя), Татарская слобода, тесно связанная с Толмачевской слободой, слобода мастеров-овчинников, Кадашевская слобода, Казачья слобода, Кузнецкая слобода. Грубо говоря, человек олицетворялся со своей специальностью или происхождением. Конечно, хватало воров и маргиналов, скрывавших свое «изначалье», но с ними активно боролись.

Прислушайтесь к названиям московских переулков — они прекрасны своим звучанием, но просты. Вам сразу станет ясно, чем занимались жители переулка Огородная слобода, кого стоило искать на Мясницкой, не возникнет вопросов к жителям Котельников, Бронных улиц и Палашевских переулков. Поварская слобода дала целую россыпь переулков с «гастрономическими» названиями: Столовый, Ножовый, Хлебный. Часто профессии исчезали, и сейчас не найдешь исконных обитателей Столешникова, Кисельного, Колпачного переулков, Сыромятников, Басманной слободы, Барашей, Кошелей, Хамовников.

Музыкальный характер московской топонимики вдохновил бардов Татьяну и Сергея Никитиных на создание знаменитой песни «Окликни улицы Москвы».

*Окликни улицы Москвы,
И тихо скрипнет мостовинка,
И не москвичка — московитка
Поставит вёдра на мостки.
Напьются Яузой луга,
Потянет ягодой с Полянки,
Проснутся кузни на Таганке,
А на Остоженке — стога.*

Невероятно большое количество московских слобод дополнялось тем, что они делились на дворцовые, где выполняли царские заказы, казенные, где ковали славу всего государства, монастырские, принадлежавшие церкви, военные. «Отдельные города делятся на свои приказы или кварталы, во главе которых стоят определенные чиновники. Последние имеют списки и держат в поле зрения всех своих подопечных, так что никто не может легко сбежать, что весьма удивительно при таком множестве самых разных людей», — удивлялся Иржи Давид.

Жители «белых слобод» были освобождены от налогов, а жители «черных слобод» в общем-то и представляются нам сейчас настоящими горожанами. Они платили налоги и подчинялись Земскому приказу, своеобразной «мэрии», которая следила за налогами, состоянием улиц, дорог и мостов, пожарной безопасностью, охраняла порядок. Забелин отмечал: «Завися по общей городской управе от Земского дворца или Земского приказа, каждая слобода во внутренних своих делах управлялась сама собою, выбирая себе старосту, десятских, целовальников и других лиц». Многие слободы в XVII веке работали прежде всего на государев двор, поэтому переезд столицы в Петербург негативно отразился на их состоянии.

Но при Петре происходит постепенное угасание слободы как основы городского устройства. В 1721 году Петр делит все население городов, кроме посадских жителей,

на две большие гильдии. К первой относятся банкиры и «знатные купцы», доктора, аптекари, мастера золотых и серебряных дел, художники. Во вторую гильдию записали мелких торговцев и кустарей, плотников, резчиков, сапожников и столяров. Каждое «художество» или «ремесло» должно было выбрать своего старшину («алдермана») и разработать устав внутреннего регулирования.

Отголоски слободского устройства Москвы будут аукаться почти весь XVIII век, но от ситуации, когда в пределах одного района жили представители преимущественно одной профессии, начали потихоньку отходить. Настоящий город — это всегда разнообразие, смешение. До Петра Москва воистину была скоплением отдельных населенных пунктов, чем оправдывала обидное, но меткое прозвище «большой деревни», или, вернее сказать, системы деревень. Иван Забелин представлял Москву как «совокупность сел и деревень, раскинутых не только по окраинам, но и в пределах городских валов и стен».

И соборы, соборы, соборы! Все путешественники, посещавшие Москву, поражались обилию храмов. Петр к церкви относился сдержанно и даже переплавлял колокола на пушки. Но и при первом императоре не угасало желание горожан видеть свой приходской храм нарядным, богатым и красивым. Церковь была для русского человека моделью идеального. Входишь в православный храм в момент службы и чувствуешь, что ты окружен красотой со всех сторон. Глаза взирают на древние иконы, уши наслаждаются пением хора, нос ощущает благодный запах ладана. «В церковь людей созывают звоном колоколов, которых здесь большое множество. Они, как и у нас, звонят во время пожара. Большинство бояр в своем доме имеют часовни или молельни, в которых совершают для них бо-

гослужения домашние попы, как бы капелланы, специально нанятые для этого», — описывает Москву иностранец.

Да, покидая пределы церкви, житель петровской Москвы опять сталкивался с будничной грязью, плохими дорогами, худыми домами, но, переступая порог церкви, он, видимо, забывал о всех горестях и погружался в мир прекрасного. Красота церкви, увы, не спасает мир, но ревностно охраняет свой уголок рая на земле. Слабое развитие светского искусства компенсировалось огромным количеством первосортных храмов, которые строились искусными зодчими и украшались «хитрыми» живописцами. У Даля «хитрый» значит «искусный, мудреный, изобретательный, замысловатый, затейливый».

Москва времен Петра современному человеку покажется совершенно иным городом — с другой системой налогов, социальных отношений, общественной иерархией, государственным строем. Мы редко в ходе ежедневных поездок на работу или учебу сталкиваемся с петровской Москвой. Она дремлет в переулках, она ждет своего кропотливого исследователя — археолога «в поле», историка в архиве. Можно, конечно, любоваться картинами А. Рябушкина и А. Васнецова, но нам трудно понять, что вдоль Красной площади при Петре проходит Алевизов ров, что москвичу в конце XVII века иногда очень трудно перебраться через Неглинку, где стоят вполне себе крепкие Воскресенский и Троицкий мосты.

Даже район с отдельным названием — Занеглименье! Моховая — уже Занеглименье. Старый Московский университет — тоже Занеглименье. Переключка церковей, холмов и возвышенностей превращала Москву в сложный, но живописный организм. «Древняя топография города имела иной вид и представляла больше живописности, чем теперь, когда под бульжною мостовую везде исчезли

сохраняемые только в именах церковных урочищ поля, полянки и всполья, пески, грязи и глинища, мхи, ольхи, даже дебри или дерби, кулижки, т. е. болотные места и самые болота, кочки, лужники, вражки-овраги, ендовы-рвы, горки, могилы и т. п., а также боры и великое множество садов и прудов», — писал Иван Забелин, готовя статью о Москве для Брокгауза. Когда проходите очередную московскую церковь, обращайте внимание на вторую часть ее названия (т. н. урочищное определение), и вы узнаете много интересного. Например, один из московских храмов на Маросейке имеет сразу три подобных определения — в Клённиках, Блинниках и Клёпиках. Или бочки клепали, или блинами торговали, или клены сажали вдоль стены Китай-города.

Средневековая Москва знавала и топонимические споры — в 1658 году Фроловские ворота Кремля переименовали в Спасские, неблагозвучные Курятные ворота стали Троицкими, Чертольская улица стала Пречистенской.

Территория Кремля была подвижна и постоянно расширялась, пока не закрепились при Иване III постоянным кольцом стен. Кремль — это город в городе. Карамзин пишет, что каждый богатый боярин стремился иметь двор или палаты внутри Кремля. У стен Кремля угнездилась торговля, живописная и красочная. «На Красной площади с утра до вечера толпилось множество людей праздных, господских слуг, купцов и продавцов всякого рода вещей. Сие место походило на римский Форум. Тут рассказывались всякие любопытные вести», — пишет Карамзин в «Вестнике Европы». Карамзин пересказывает путешествие Олеария и упоминает место, где в «...хорошую погоду московские жители стригли себе волосы, которыми земля была там устлана как мягкими тюфяками».